

УДК 821.161.1 (Русская литература)

**ПРОБЛЕМА ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
С «НЕНАДЕЖНЫМ» НАРРАТОРОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ В. НАБОКОВА «СОГЛЯДАТАЙ»)**

© 2021 М.А. Смоленская

*Смоленская Мария Александровна, магистрант программы
«Русская литература в мировом культурном пространстве».*

E-mail: ilcheva.mariya@psga.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 02.04.2021

Статья поднимает несколько актуальных проблем нарратологии – вопрос «ненадежного» нарратора в тексте, его точки зрения на лежащие в основе истории события. В данной работе рассматриваются внутренняя и внешняя точки зрения в произведении с «ненадежным» нарратором. Выдвигается гипотеза о том, что произведения с «ненадежным» нарратором организуют особую точку зрения на событие. Материалом исследования служит нарратор повести В. Набокова «Соглядатай» (с англоязычным названием – «The Eye»). В этом тексте точка зрения нарратора на события, самого себя в этих событиях, персонажей обнаруживает расщепление на внешнюю и внутреннюю. Игра нарратора с точкой зрения оформляет особый тип «ненадежного» нарратора, позволяющий автору не только создать экспериментальный нарратив, но и поднять философские проблемы памяти, самоидентификации, сознания.

Ключевые слова: точка зрения, «ненадежный» нарратор, рассказчик, герой, читатель, нарративная интрига.
DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-151-154

Введение. Вопрос присутствия «ненадежного» нарратора в тексте – одна из актуальных проблем нарратологии. Довольно много внимания уделено специфике этого типа нарратора, условиям его существования в тексте, критериям выявления этого типа нарратора (в отечественном литературоведении – в работах Г.А. Жиличевой, А.В. Ждановой, в зарубежном к этому типу нарратора обращались У. Бут, Д. Филан, Г. Олсон, Т. Якоби, А. Нюнинг и другие). Однако, отсутствуют работы, посвященные особенностям точки зрения в произведениях с «ненадежным» нарратором. На наш взгляд, присутствие «ненадежного» нарратора в тексте оформляет особую точку зрения. Кроме того, особая точка зрения позволяет «ненадежному» нарратору «играть» с интригой текста.

Методы исследования. Обратимся к определению «ненадежного» нарратора: «Если повествователь неверно или недостаточно полно сообщает о событиях и людях, интерпретирует и оценивает их, он является ненадежным или недостоверным» [5]. Характеристиками «ненадежного» нарратора справедливо считают «лживость, забывчивость, неадекватность, желание дать искаженную картину мира, манипулировать читателем в своих интересах и при этом невольное самообличение персонажа» [1, с. 151]. Мы разде-

ляем «ненадежного» нарратора на ошибающегося (в силу различных причин: изменения в психике, непрофессионализм, наивность, девиантное поведение и т.д.) и сознательно передающего недостоверные сведения (желая обмануть читателя или манипулировать его чувствами, для формирования нарративной интриги или для демонстрации философских идей).

Рассмотрим проблему точки зрения «Нарратологии» В. Шмида: «Мы определяем это понятие как образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [5, с. 122]. Анализируя точку зрения по отношению к событию, исследователь считает, что «без точки зрения нет истории». Точка зрения – взгляд не на историю, а на лежащие в ее основе события: «Истории самой по себе не существует, пока нарративный материал не становится объектом «зрения» или «перспективы» [5, с. 122]. Таким образом, точка зрения присуща каждому произведению, в котором может быть нарраториальная или персональная точка зрения: «Бинарность вытекает из того, что в изображаемом мире повествовательного произведения существуют две воспринимающие, оценивающие, говорящие и действующие инстанции, два смыслопорождающих цен-

тра — нарратор и персонаж. Третьего не дано» [5, с. 129].

Результаты исследования. Особенность повести В. Набокова «Соглядатай» заключается в присутствии одного, эксплицитного, нарратора, который от первого лица рассказывает читателю о собственной смерти: объясняет, какие события заставляют его покончить с собой, описывает сам процесс умирания, жизнь духа после смерти. Повествование от первого лица, являясь одним из важнейших условий ненадежности, становится фактором, позволяющим нарратору проводить игру с точками зрения.

Рассмотрим внутреннюю точку зрения. Ей наполнена первая часть повести — часть, описывающая жизнь героя до самоубийства: прошлое героя, его работу, роман с замужней женщиной, перепалку с ее мужем. К примеру, о состоянии нарратора: «И я был так одинок» [3, с. 15] или «Мне было как-то беспокойно» [3, с. 180]. Переломным событием повести, влекущим за собой усложнение точки зрения, становится мнимое самоубийство. Читателю до конца неясно: произошло ли оно на самом деле и нам описана жизнь духа после смерти? Или же перед нами герой, страдающий психическим заболеванием? Однако, факт самоубийства становится способом объяснить факт соглядатайства за самим собой, становится причиной усложнения взгляда на самого себя. Все описания героя себя как тени убеждают читателя в его смерти и оправдывают факт соглядатайства: «Я был туго закутан — не то в саван, не то просто в плотную темноту» [3, с. 33]. Нарратор признает свое существование в мире мертвых: реальность он называет «земным миром» [3, с. 35], будто противопоставляя себя ему, его удивляет также «реставрация» [3, с. 335] знакомых улиц, «очень похожих на действительность» [3, с. 36]. Свои мысли он прямо называет «посмертными» [3, с. 35]. Смерть утверждает переход героя через границу в потустороннее и приобретение способности вернуться в реальный мир для наблюдения за близкими. Здесь в повести и появляется некий Смуров, за которым подглядывает нарратор. Он характеризуется как загадочный знакомый, который очень интересен нашему рассказчику. Однако, в финале повести выясняется, что сам нарратор и есть Смуров: «Господин Смуров», — сказал он громко, но неуверенно. Я обернулся на звук моего имени...» [3, с. 142].

Итак, после переломного события — самоубийства — в повести разрушаются привычные

отношения рассказчик — герой — читатель: рассказчик перестает быть наблюдателем и участником событий, как это предполагается традиционным нарративом. Он для себя становится героем, которого описывает нарратор.

Он смотрит сам на себя со стороны третьего лица: наблюдатель и наблюдаемое сливаются в единый образ Смурова, объединяющий внешнюю и внутреннюю точку зрения на себя как на действующее лицо и как на лицо рефлексирующее, воспринимающее: «Вот так я и решил докопаться до сущности Смурова, уже понимая, что на его образ влияют климатические условия в различных душах, что в холодной душе о один, а в цветущей душе окрашен иначе... Я начинал этой игрой увлекаться. Сам я относился к Смурову спокойно. Некая пристрастность, которая была вначале, уже сменялась просто любопытством» [3, с. 80].

Повесть демонстрирует сложную взаимосвязь внешней и внутренней точек зрения. Это заметно в следующей цитате — по отношению к себе употреблены личные местоимения (я, меня), а о Смурове нарратор всегда говорит как о просто знакомом человеке, упоминая его фамилию или говоря «он, к нему»: «Меня же нет. Но Смуров будет жить долго» [3, с. 145].

Рассмотрим подробнее внешнюю точку зрения нарратора на Смурова. Что говорит об использовании внешней точки зрения по отношению к самому себе? Во-первых, нарратор использует перспективный план и смотрит на Смурова так, как традиционный рассказчик объективно смотрит на героя: «Смуров размешивал ложечкой чай» [3, с. 52], «Смуров, слушая, одобрительно кивал» [3, с. 53] или «Марианна Николаевна устала на Смурова» [3, с. 53]. Он наблюдает не над субъектом, а над объектом, который также становится объектом наблюдения (собеседником, другом и т.д.) для других героев — нарратор по отношению к Смурову не использует местоимение «я», сам себя с собой не идентифицирует. «Я» же всегда связано с наблюдением над Смуровым: «я» наблюдает за «ним», происходит нарушение восприятия. «Я» становится объектом для наблюдения и приобретает другое имя, отличное от самого себя. В противопоставлении «я» и «он» отражается и языковой план точки зрения. В этом разделении самого себя на «Я» и на «Смуров» проявляется точка зрения в плане фразеологии, обнажая проблему наименования в художественной литературе [4, с. 40].

Кроме того, о внешней точке зрения на самого себя говорит и идеологический план: читатель осознает разницу отношения к себе и к Смурову. Если сам «я» для себя знаком, понятен, то «он», Смуров», любопытен, способен удивить поступком: «Смуров... вдруг разговорился», будто бы неожиданно и для самого нарратора стал общительным. Смуров, таким образом, не познаваем, поскольку это другая личность, таинственная и загадочная: «...от Смурова веяло некоторой загадочностью, прошлое его было довольно туманно...» [3, с. 64].

Временной план точки зрения также интересен: Смурова нет с момента начала повествования, он кажется одним из любопытных эпизодов, случившимся с нарратором. Смуров появляется вместе с описанием значимых лиц в жизни нарратора, которых он навещает или которые ему вспоминаются после мнимого самоубийства: «Смуров появился сравнительно недавно, но этого сразу и не скажешь». Затем идет литературный портрет героя, представленный хоть и прозорливым нарратором, но не проникающим в сознание персонажа. Портрет – традиционный подход к представлению нового, интересного, загадочного героя: «Его бледное, тонкое лицо было молодо... Говорил он мало, но все высказываемое им было умно и уместно, а редкие шутки... открывали в разговоре потайную дверцу...» [3, с. 49]. Таким образом, Смуров появляется одновременно с представлением значимых людей, это не «раздвоение личности», а «один из описываемых», один из действующих лиц повести, становящийся по мере развития действия все более интересным для наблюдения.

Доказывает, что нарратор видит Смурова с внешней точки зрения, и тот факт, что читателю никогда не показано сознание Смурова, его мысли, чувства, отношение к персонажам с помощью внутренних монологов, несобственно-прямой речи. Мы видим лишь его действия, его сознание оказывается закрытым: перед нами, таким образом, в отношении Смурова – «внешняя фокализация» (по типологии Ж. Женетта), когда «повествование ведется с точки зрения объективного нарратора, не имеющего доступа в сознание персонажа» [5, с. 114], это «взгляд извне», а в отношении самого себя – «внутренняя фокализация», «повествователь говорит только то, что знает персонаж», «нарратор = персонажу» [5, с. 113-114].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о «ненадежности» нарратора, поскольку читатель до последнего момента будто участвует в детективном романе, пытается разгадать загадку личности Смурова.

Нарратор не сообщает открыто о том, что он и есть Смуров, не потому что хочет обмануть читателя, как это делает классический «ненадежный» нарратор. Он признает недостоверность собственной точки зрения и невозможность ее достичь: «Ведь меня нет, – есть только тысячи зеркал, которые меня отражают» [3, с. 145]. Причина недостоверности – в множественности точек зрения, каждая из которых самостоятельна, самоценна, субъективно истинна, именно поэтому невозможно создать объективный, абсолютный образ себя: «С каждым новым знакомством растет население призраков, похожих на меня» [3, с. 145].

Именно в отражении себя в другом – через воспоминания, мысли, анекдоты – нарратор находит истинное счастье, поскольку даже жизнь он осмысливает не как физическое состояние, а через наличие себя в памяти другого: «Быть может, случайный рассказ обо мне, простой анекдот, где я фигурирую, перейдет от него к его сыну или внуку, – так что еще будет некоторое время мелькать мое имя, мой призрак» [3, с. 145].

Таким образом, точка зрения в этом произведении позволяет нарратору формировать особый тип «ненадежного» нарратора, сознательно передающего недостоверные сведения – нарратора, который демонстрирует философскую идею недостижимости абсолютной истины.

Выводы. В тексте присутствует ненадежный нарратор, сознательно передающий недостоверные сведения, для оформления идеи недостижимости абсолютной истины. Нарратор демонстрирует сложную взаимосвязь точки зрения на самого себя – внешнюю и внутреннюю. Главный герой показан нам одновременно и как нарратор, и как персонаж. Игра с точкой зрения позволяет нарратору организовать особый тип «ненадежного» нарратора, выводящий эту фигуру на новый, философский уровень и поднять проблему возможности (и невозможности?) самого себя, проблему жизни через память – мы живы, пока о нас помнят.

1. Жданова, А. В. К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 2. – С. 151–164.
2. Жиличева, Г. А. Функции «ненадежного» нарратора в русском романе 1920-1930-х годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – №11(139). – С. 32-38.

3. Набоков, В. В. Соглядатай: повесть / Владимир Набоков. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 160 с.
4. Успенский, Б. А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
5. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
6. Шэнь, Д. Нарративная недостоверность: типы, подходы и перспективы исследования // Narratorium, 2012. – №2 (4). [Электронный ресурс]. - URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628919> (дата обращения: 09.03.2021).
7. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. – Chicago: The university of Chicago press, 1968. – 572 p.
8. Nünning, A. Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches / J. Phelan and P. J. Rabinowitz (eds) // A Companion to Narrative Theory. – Oxford: Blackwell, 2005. – P. 89-107.
9. Olson, G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators / G. Olson // Narrative. - 2003. – № 11. – P. 93-109.
10. Phelan, J. Living to Tell about It / J. Phelan. – Ithaca: Cornell UP, 2005. – 236 p.
11. Yacobi, T. Fictional Reliability as a Communicative Problem // Poetics Today. – 1981. – Vol. 2. – P. 113 – 126.

**THE PROBLEM OF POINT OF VIEW IN TEXT
WITH AN «UNRELIABLE» NARRATOR
(BASED ON THE MATERIAL OF V. NABOKOV'S STORY «THE EYE»)**

© 2021 M.A. Smolenskaya

*Maria A. Smolenskaya, graduate student of the Faculty of Philology, program
«Russian Literature in the World Cultural Space».*

E-mail: ilcheva.mariya@psga.ru

Samara State Social and Pedagogical University
Samara, Russia

The subject of the article: The article raises several urgent problems of narratology - the question of the «unreliable» narrator in the text, his point of view on the events underlying the history. This paper examines the internal and external point of view in a work with an «unreliable» narrator. A work with an «unreliable» narrator organizes a special point of view on the event hypothesis is put forward. The material is the narrator of V. Nabokov's story «The Eye». In this text, the narrator's point of view on events, himself in these events and the characters reveals a split into external and internal. The narrator's play with the point of view forms a special type of «unreliable» narrator, which allows the author not only to create an experimental narrative, but also to raise the philosophical problems of memory, self-identification, and consciousness.

Key words: point of view, «unreliable» narrator, storyteller, character, reader, narrative intrigue.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-151-154

1. Zhdanova, A. V. K istorii vozniknoveniya literaturnogo fenomena nenadezhnoj narracii (The history of the literary phenomenon of unreliable narration) // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2009. – № 2. – S. 151–164.
2. Zhilicheva, G. A. Funkcii «nenadezhnogo» narratora v russkom romane 1920-1930-h godov (Functions of an «unreliable» narrator in the Russian novel of the 1920s-1930s) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univesiteta. – 2013. – №11 (139). – S. 32-38.
3. Nabokov, V. V. Soglydataj: povest' (The Eye) / Vladimir Nabokov. – SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. – 160 s.
4. Uspenskij, B. A. Semiotika iskusstva (Semiotics of art). – М.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1995. – 360 s.
5. Shmid, B. Narratologiya (Narratology) / V. Shmid. – М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.
6. Shen, D. Narrativnaya nedostovernost': tipy, podhody i perspektivy issledovaniya (Narrative Inauthenticity: types, approaches and perspectives of research) // Narratorium, 2012. – №2 (4). [Elektronnyj resurs]. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2628919> (data obrashcheniya: 09.03.2021).
7. Booth, W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. – Chicago: The university of Chicago press, 1968. – 572 p.
8. Nünning, A. Reconceptualizing Unreliable Narration: Synthesizing Cognitive and Rhetorical Approaches / J. Phelan and P. J. Rabinowitz (eds) // A Companion to Narrative Theory. – Oxford: Blackwell, 2005. – P. 89-107.
9. Olson, G. Reconsidering Unreliability: Fallible and Untrustworthy Narrators / G. Olson // Narrative, 2003. – № 11. – P. 93-109.
10. Phelan, J. Living to Tell about It / J. Phelan. – Ithaca: Cornell UP, 2005. – 236 p.
11. Yacobi, T. Fictional Reliability as a Communicative Problem // Poetics Today. – 1981. – Vol. 2. – P. 113 – 126.